

во время посещения Евпаторийской караимской кенасы, в мае 1916 года

Салют флагом

При встрече в море с коммерческими судами всех наций, приветствовали друг друга троекратным спуском и подъемом кормового флага. Согласно обычаю, купец первым приветствовал военного. Сила выше права!

Салют веслами

Своеобразным, свойственным лишь старому парусному флоту, был салют веслами, который пол века назад ещё был обычным и на торговом флоте.

На эскадре Тихого океана, уже технически высоко совершенной для парового флота, ещё не были изжиты привычки, навыки и обычаи парусного. Не только наши адмиралы были парусниками в своей юности, но и многие командиры судов.

Даже на эскадренных броненосцах в 15 тысяч тонн водоизмещения, наряду с паровыми катерами, и только тогда ещё входившими в употребление моторными катерами и баркасами (с двигателями внутреннего сгорания), было очень много гребных судов.

У нас на «Пересвете» было два шестивесельных вельбота. Один из них специально для торжественных поездок командира, с лихими, сильными гребцами и бравым старшиной- рулевым квартирмейстером.

Кроме того, были шестерки, гребные катера и баркасы для десанта, и в качестве спасательных судов; в большом числе они висели по обоим бортам судна.

К паровым катерам уже привыкли в те времена и больше пользовались ими для сообщения с берегом, но к моторным двигателям относились с недоверием, боясь аварий и остановок на полпути.

Шлюпочные учения были часты. Была даже команда - «На гребные суда!»

Каждый должен был уметь править шлюпкой на веслах. Помню, учился и я, и однажды с полного хода подходя на вельботе к трапу, так неудачно рассчитал поворот руля, что носом ударил вертикально в борт броненосца, чуть не разбив вельбот.

При неумении править, подходя к трапу во время волны, можно угораздить под трап и опрокинуть шлюпку подходящей волной.

Когда садятся на шлюпку, то старшим считается старший из флотских офицеров. Он отдаст морские распоряжения шлюпочному старшине, который фактически ей правит. При отсутствии флотских офицеров, как бы высшее командование на шлюпке переходит к старшему из сидящих на шлюпке.

При встрече шлюпок, старшина-рулевой отдает честь офицерам, сидящим на встречной шлюпке. Иногда обмениваются приветствиями (честью) и офицеры между собой.

Если же на встречной шлюпке идет адмирал, это обозначается особым адмиральским флагом на носу катера или гребного вельбота, то старшина гребной шлюпки, поравнявшись с адмиралом, сначала командует :

«Суши весла!»

Гребцы выравнивают весла извлечённые из воды, держа их перпендикулярно к борту шлюпки, на высоте уключин над водой.

Затем следует команда :

«Весла на валёк!»

Гребцы ставят весла на дно шлюпки вертикально на ручки, лопастями вверх. Рулевой и сидящие в шлюпке офицеры держат под козырек, и все сидящие в шлюпке и гребцы обращают взоры в сторону идущего навстречу адмирала.

Если адмирал не подаст знака, все остаются в этом почтительном положении, пока шлюпка адмирала не разминется.

После этого следуют обратные команды:

Сначала :

«Суши весла!»

А потом :

«На воду! Навались!»

«Веселей!»

Похороны в океане

Эту грустную церемонию, и особенно грустную в безбрежной водной пустыне океана, мне пришлось видеть не на военном корабле, а на полувоенном, на пароходе Добровольного флота «Екатеринослав», в апреле 1902 года. Мы шли из Одессы на Дальний Восток. Пассажиров было мало: четверо в первом классе, с десятков – в третьем, а в четвертом, переселенческом, несколько женщин-солдаток, ехавших к своим мужьям в Приморскую область.

В Добровольном флоте командиры судов и большая часть офицеров и команды была из военных моряков и только меньшинство из моряков штатских.

На ходу в море поддерживался военный порядок, тем более, что военная команда и офицеры были в форме военного флота, считаясь в командировке.

Пассажиры первого класса обедали вместе с судовым офицерами. За ужином судовой врач (из штатских) сказал мне, что у него в лазарете есть тяжело больной пассажир 3-го класса с воспалением среднего уха и у него начался мастоидит. В те времена не было ни вакцин, ни сульфамидов, ни пенициллина. Оставалась только операция, очень сложная и специальная. Хирурга не было и больной быстро скончался в духоте тропического, сырого воздуха.

Мы только что прошли остров Перим и вошли в лоно Индийского океана. До ближайшего порта Коломбо нужно было идти не менее десяти суток.

Решено было предать тело покойного морской стихии.

Часов в десять утра, команда и офицеры построились на шканцах. Вышли и все, немногочисленные, пассажиры проводить своего неведомого спутника, далеко - на дно океана.

Церемонию возглавил капитан парохода – капитан 2-го ранга Морозов.

Из глубины крытого коридора показались матросы-санитары без фуражек. Они вынесли труп, привязанный к доске и обернутый в брезент.

Ноги несли двое с трудом, так как к ногам почившего были привязаны, завернутые в мешок, тяжелые колосники. Изголовье нес один.

Все обнажили головы и каждый с грустью подумал, что и его в этой водной безбрежной пустыне мог ждать такой же конец.

Матросы уложили покойного на подставку по середине шканец (священное место на корабле).

На судне не было священника. Его заменял, по морской традиции, старший офицер.

Уже пожилой старший офицер лейтенант Н. вышел вперед и стал около покойника.

Раздалась какая-то команда, застопорили машины, но «Екатеринослав» по инерции ещё медленно продвигался вперед.

Погода была ясная, небо облачное. Стояла невероятная жара, но палубы были мокры от сильной влажности тропического воздуха над океаном.

Море волновалось. Нас покачивало. Из-под борта судна вылетали стаи летающих рыбок и, пролетев несколько десятков сажень, все сразу погружались в глубину океана.

Издали были видны следы пенящихся полос воды. Это нас сопровождали какие-то крупные рыбы-звери.

Было жутко смотреть на поверхность океана, таящего в глубине своих темно-зеленых вод чуждый и страшный для нас животный мир, жаждущий снеди.

«Отче наш...» внятно, но не громко начал старший офицер.

Когда он окончил эту молитву, великую по своей простоте, краткости и глубине мысли в ней заложенной, вперед выдвинулись вахтенный квартирмейстер и его помощники.

Они притянули к голове покойного большой крючок, спускавшийся с конца стрелы, свисавшей с ближайшей мачты. Крючок надели на веревочную петлю, прикрепленную к доске у изголовья.

Под свисток старшины, машинист у стрелы стал медленно выбирать слабину, пока веревочный ,конец не стал вертикально над головой покойника.

Вновь раздался свисток старшины, стоявшего у тела. Конец доски, где находилась голова умершего, стал подниматься. Покойный медленно встал сначала вертикально, потом ещё медленнее поднялся в воздух... и закачался.

Опять свисток. Стрела стала поворачивать свой верхний конец за борт. Покойник вертикально повис над морской бездной.

Короткая команда вахтенного начальника. Тело, обернутое в брезент со свисавшим грузом на нижнем конце доски сорвалось с крючка стрелы и исчезло в воде Индийского океана.

Все перекрестились.

Сигнальщик, стоявший с обнаженной головой у кормового флагштока корабля, троекратным медленным спуском и подъемом трехцветного национального флага, отсалютовал погребенному в океане.

«Екатеринослав» дал ход.

Сейчас в Париже проживает эмигрант, бывший капитан парохода Добровольного флота «Владимир» г-н Снежковский, который пол века назад, юношей, был четвертым помощником на «Екатеринославе», в период моего на нем перехода.

Он так хорошо сохранился в своей внешности, что выглядит стариком-юношей.

Я думаю - он помнит и эти похороны в Индийском океане.

Церемония «заднего крыльца»

К числу церемоний «заднего крыльца», или «баковых», нужно причислить три периодически повторяющихся процедуры, в которых «авралом» принимают участие почти вся команда и многие из офицеров. Это - погрузка угля, мойка белья, и телесный осмотр.

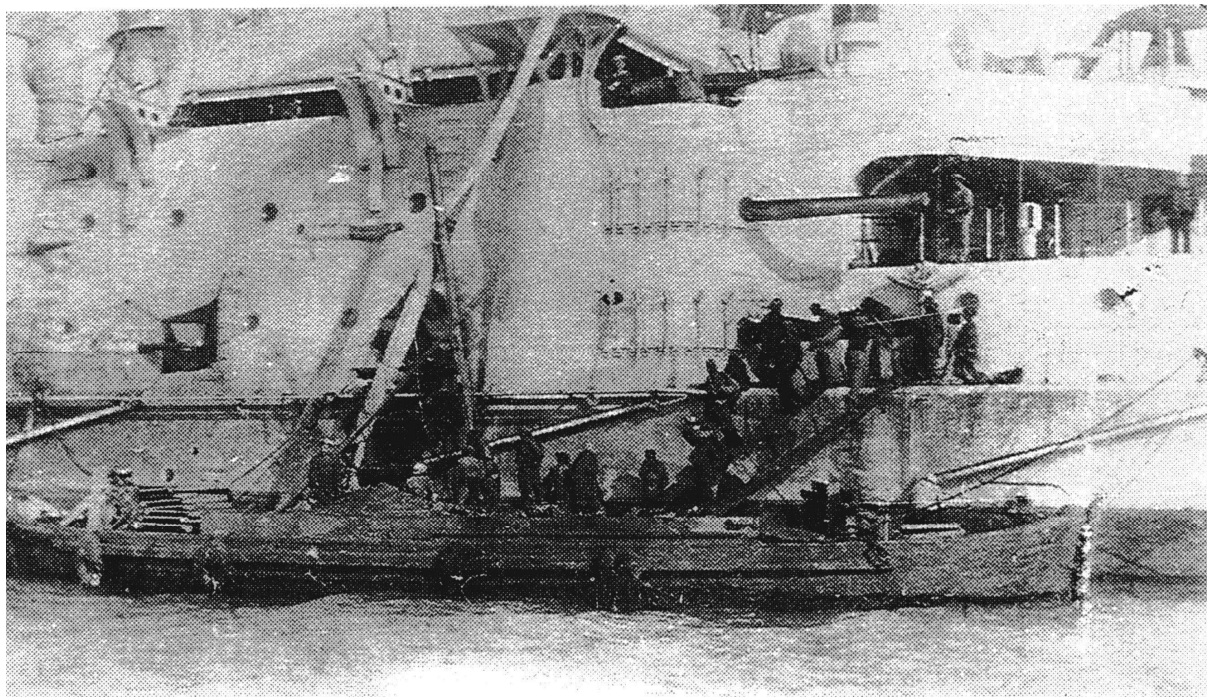
Нынешний нефтяной флот не знает погрузки угля, этой страды угольного флота.

Старый угольный флот очень тяготился погрузкой угля. Операция частая, грязная, требующая напряжения всей команды, нарушающая обычную на военном корабле

чистоту, но в боевом отношении очень важная, была в наше время подлинным церемониалом.

За этой операцией, обычно, вскоре шла стирка белья. Весь нос корабля украшался, расцвечивался как флагами рубахами, подштанниками и носовыми платками. Теперь на судах и механические прачечные и паровые сушилки.

Телесный осмотр команды, раз в месяц, совершаемый младшим судовым врачом, очень нужный и полезный акт, завершал трилогию.

Погрузка угля на «Пересвет», 1903 г.

«Пикадор»

Насколько мне помнится, судовой караул был немногочислен, ибо было только три постоянных поста : у кормового флага, знамени корабля у гюйса и третий у денежного ящика, стоявшего у входа в каюту командира судна, на корме. Эти часовые стояли и днем и ночью.

Но бывали и экстерные посты около арестованных, у карцера для матросов и у кают офицеров, если арестованным был офицер. Этим часовых у своих кают, офицеры называли «пикадорами».

Особенно смешную, да и позорную, картину сидящего в своей каюте с «пикадором» офицера можно было наблюдать на небольших судах, где маленькие каюты все дверьми выходили прямо в кают-компанию.

« Пикадор» должен был быть все время с ружьем, в фуражке с ленточками и с патронташем торчать в тесной столовой и выводить офицера для надобностей на глазах у всех прочих офицеров, постоянно, и вне столования, торчавших в единственном общем помещении, особенно зимою.

Невозвратное

И стоящие, как свечи, правильными рядами вдоль шлюпки и весла на вальках,

И реющий в тихую погоду шелковистый Андреевский флаг на корме корабля,
 И скучающий около него часовой с ружьем,
 И треплющиеся и издающие особые хлопки адмиральские флаги на стенах в бурную погоду,
 И белоснежные ряды бравых молодых матросов летом, во время церемоний,
 И строй офицеров в треуголках, золотом и серебром шитых мундирах и красивых эполетах - в царские дни,
 И почтительно входящие с площадки трапа на борт военного корабля гости с обнаженными головами,
 И сопровождающие их изящно одетые дамы, которых торжественно, со счастливыми лицами, приветствовали фалрепные, вахтенный начальник и старшие чины корабля,
 И взаимные приветствия, любезности и шутки,
 И застольный чинный ритуал обедов и завтраков в кают-компанин,
 И песни и пляски матросов на баке,
 И послеобеденный отдых прикурнувшей в свободной позе команды,
 И спокойная игра офицеров – любителей шашек и шахматов,
 И легкая болтовня их,
 И общая сытость и комфорт в каютах,
 И материальный достаток всего личного состава,
 И эскадренные новости и движение по службе,
 И сплетни, привозимые с берега,
 Все это не только скрашивало трудовой день военного моряка, но вселяло бодрость и волновало сердца юношей и молодежи, и офицерской и матроской того далекого времени в длительных плаваниях на Дальнем Востоке, среди чуждых китайских берегов, за десять и более тысяч верст и два-три месяца пути от родных пределов.
 Через пол века с нежностью вспоминаю это прошлое и ... невозвратное.

III ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ НА ЭСКАДРЕ

За неделю до моего назначения на «Пересвет», оттуда были переведены Великие Князья Кирилл и Борис Владимировичи.

Оба брата пришли на «Пересвете» из России, проделав длинный переход вокруг Европы и Азии.

Кирилл Владимирович исполнял на «Пересвете» обязанности старшего из лейтенантов, как бы помощника старшего офицера. Борис Владимирович был пассажиром.

С «Пересвета» Борис Владимирович был переведен уже старшим офицером на крейсер I ранга «Адмирал Нахимов», плававший с личным составом Гвардейского экипажа. Вскоре «Нахимов» ушел в Россию вместе с Великим Князем. За долгий период плавания на «Пересвете», кают-компания сжилась с Великими Князьями.

Воспоминания о них были ещё свежи на корабле. Бориса Владимировича все любили за простоту и товарищеское отношение к сослуживцам.

Рассказывали много веселого о плавании с ним.

Отношение к Кириллу Владимировичу было более сдержанное; не нравились офицерам его высокомерие и скупость.

Великий Князь Кирилл Владимирович в те годы был писанным красавцем.

Оперативная служба флота

Когда началась русско-японская война, оба брата вновь прибыли в Порт-Артур. Кирилл Владимирович был назначен начальником оперативной части штаба Командующего флотом в Тихом океане и плавал на «Петропавловске», где держал свой флаг адмирал Макаров.

Подобная должность впервые была создана в нашем флоте, ещё до учреждения Морского Генерального штаба.

Вероятно в качестве сотрудника Великого Князя по оперативной части в штабе адмирала Макарова состоял сухопутный офицер Генерального штаба полковник Агапеев (тоже впервые во флоте). Он также плавал на «Петропавловске», и погиб с ним вместе.

С гибелью адмирала Макарова, при Витгефте опять вернулись к старому порядку - флаг-капитана.

Опять боевая мысль была заглушена в сознании высшего командования.

Обстоятельство показательное.

Я все время уклоняюсь от намеченной темы, описать плавание «Пересвета» в 1903 году, столь мне памятное и поучительное и пересказываю невольно вперед, в период войны с Японией, ибо эти близкие периоды тесно связаны. Война же с Японией – поворотный пункт в судьбах и Российской Империи в целом, и каждого из нас, перевернувший все, не только на нашей родине, но и во всем мире для белой и желтой рас.

Вряд ли мне удастся в своих воспоминаниях «об ушедшем» написать много о войне, поэтому я не хочу обходить те, на первый взгляд как-будто не важные мелочи, а в моем понимании прошлого, кардинальные причины, кои предопределили неудачный для нас исход русско-японской войны.

Вялость и слабость боевой мысли во флоте есть корень зла, породивший цикл современной истории мира, ещё далеко себя не изживший. Оперативная служба во флоте – явление первостепенной важности!

Орган боевой мысли в старом флоте

Я говорю об этом потому, что военная, особенно боевая, мысль была не в фаворе даже среди прекрасных и молодых техников, какой же она могла быть у стариков адмиралов, выросших и состарившихся на парусах, 10-узловом ходе судов и 6-дюймовых коротких пушках? А между тем, радио уже тогда действовало на 14 миль и было поставлено на всех судах 1 и 2 ранга.

На флоте того времени не было даже органа, занимавшегося широкими военными вопросами. При начальнике Тихоокеанской эскадры, то есть всего флота нашего на Дальнем Востоке, был жалкий штаб, состоявший из одного флаг-капитана (он один был и боевой мыслью адмирала, его тактикой, и его стратегией), и тех трех флаг-офицеров, мальчишек 19-20 лет, годных только быть ординарцами на побегушках.

Флагманские же специалисты : артиллерист, минер, механик, врач и прочие были только техниками, на манер оружейных мастеров в армии.

Игра на бильярде лейтенанта М. В. Иванова 14-го

Как-то, плавая на «Пересвете», я зашел в Артурское Морское Собрание, встретил там моего друга по плаванию на «Забияке» лейтенанта Иванова 14-го, и мы стали играть с ним на билиярде (Иванов 14-й личность историческая. Об этом ниже). Я совершенно не имел способностей по части бильярда, Модест же (так просто называли Иванова 14-го все его приятели) был артистом. Иногда он клал в лузу подряд пять и шесть шаров. С ним равно мог играть только маркер Морского Собрания, китаец Чифу (так прозвали его русские), маленький, сухой, с худым бледным лицом, на котором кожа была натянута прямо на кости, так он был художник. Несмотря на это, с раннего утра и до поздней ночи Чифу не покидал своей службы. Китайцы трудолюбивы и выносливы в труде до крайности.

Я получил от Модеста вперед пол пирамиды и все время «пуделал».

Лейтенант Иванов 14-й – первый морской министр у большевиков

Мой друг по «Забияке» лейтенант Иванов 14-й в некотором роде личность историческая. После обороны Порт-Артура, где он получил Георгиевское оружие, к 1917 году он был командиром крейсера I ранга „Диана“, а в ночь большевистского переворота он руководил бомбардировкой Зимнего Дворца с крейсера „Аврора“, ставшего на сторону Ленина.

16 ноября Иванов 14-й явился в Морское Министерство вместе с матросом Дыбенко, арестовал Адмиралтейств-Совет, назначен был первым морским министром новой власти и (как потом злословили) матросом же Дыбенко был произведен из капитанов I ранга в контр-адмиралы. «Во-как!» (любимое выражение М.В.)

Через несколько месяцев он был уволен и, как я слышал, он был расстрелян!

Лейтенант Модест Васильевич Иванов с женой Софьей Александровной. Порт-Артур, 1902 г.

Великий князь в билиардной

Когда мы играли с Модестом, вдруг в билиардную входит Великий Князь со своим адъютантом лейтенантом Кубе. Оба в форме гвардейского экипажа и в белых кителях. Кирилл Владимирович высокого, но умеренно-высокого роста, лет 26-27, по типу лица, профиля и осанки, очень напоминал Императора Николая I-го. Точеный нос и все черты правильны, как на греческих статуях у богов Олимпа, с красивым юным и матовым цветом лица. Я никогда больше не видел мужчины – такого красавца.

Кубе, его адъютант, хотя много уступал Великому Князю, но не портил общего с ним ансамбля.

Когда они вошли, офицеры, сидевшие по стенам и наблюдавшие художественную игру Модеста Васильевича, привстали, а мы (я и Модест) опустили кии на землю и повернулись лицом к Великому Князю. Он поклонился общим поклоном и просил продолжать.

Игра Модеста перед Его Высочеством

Мы возобновили игру. Модест, по своему обыкновению, каждый шар, отправляемый им в лузу сопровождал шуткой и остротой: (он был умница и очень остер на язык).